

О ЧЕЛОВЕКЕ, ЕГО СУДЬБЕ И СВОБОДЕ

Срочная позиция — не дома, не Магнитка, не «освоение» миллиардов, а повышение культуры во всем, от кладки кирпича до отказа от демагогии, зазнайства, обмана, неряшества, пьянства, казнокрадства, предательства.

Культурный рабочий — культурный человек. Борьба за человека! Культурного всесторонне, социально ценного, гуманного. Это подлинная цель Магнитки и всех Магниток.

Но?.. Осуществится это только в обстановке свободы критики и самокритики, в атмосфере правды, снятия всех страхов. Вот это и есть «срочная позиция»!

Основное содержание истории — борьба за освобождение человека от власти природы, голода, рода, деспотизма, экономического гнета. Борьба вечная и безнадежная, ибо из шкуры не вылезешь, но непрекращающаяся. Человек против Великого инквизитора, против тоталитаризма,

В тоталитарном обществе человек превращается в робота.

Современный мир — это ад, где стрех парализует нас

История — борьба со страхом. Порождение страха — тирания, подлость.

Человека характеризует не цель, а способ действий. Цель для Петра — Запад, но сам он в своих действиях варвар, азиат, хам. В итоге — трагедия и для народа, и для него.

Сталинская эпоха породила столько деспотов, притом совершенно звероподобных, сколько не было их в наше время ни в одной цивилизованной стране — доказательство нашей первобытной нецивилизованности.

Один из самых свирепых и самодурствующих царьков — бывший начальник «Дальстроя» в Магадане.

У нас советской власти до последних лет не было, — повествует тамошний старожил, — Были лагеря, сотни тысяч заключенных—это «Дальстрой», а над всем царил начальник — генерал. Морда усатая, нос пугавкой, хам и дурак. Словом, городничий перед ним — вша, равняться мог с ним только Угрюм-Бурчеев, то есть сам Аракчеев.

За этой декоративной, гротескной фигурой творились грандиозные хищения, преступления, самые кровавые и циничные, порожденные страшной, не человеческой, а дьявольской обстановкой, превратившей людей в обезумевших скотов, в сумасшедших. Здесь насильовались свинки и кошки, процветало людоедство среди беглых каторжан — готовясь к побегу, они запасались «скотом». Обезумев от голода, люди не останавливались ни перед чем, чтобы утолить потребности.

А начальники, снабженцы и верхушка — обжирались, опивались, блудили дико, грубо. И вот за спиной генерала его любовница — рядовой работник — построила себе в Сочидачу, там — дом, там — еще что-то.

Потом его прогнали, но доли солнце зйде, роса очі виють пока солнце взойдет, роса глаза выест).

древних деспотов, есть в нынешних тираниях.

Точно так же высокая, гуманистическая идеология сама по себе бесплодна, бесплодна и дате вредна, потому что противоречила характеру производственных отношений.

Как можно «возлюбить ближнего, как самого себя», если этот ближний — тиран твой и всех униженных, если он — хозяин, кулак, выжимающий из тебя соки?

Ложь — противоречащая порядку вещей, Только в коммунистическом обществе материальная база создает основу для реализации высокой идеологии.

4. Съезд дает направление идеологической, воспитательной работе в деятельности литераторов. Считаю, что «Шуркино дело» в русле этого направления. Посвящаю ее XXI съезду и отказываюсь от го-

Николай ПЧУГИН

ЗАПРЕТНЫЕ МЫСЛИ

(Дневниковые записи 40—50-х годов)

норара за постановку в местном театре.

К теме высокой производительности труда при социалистическом строе:

Сорок лет мы доказываем обратное: социализм — низкая производительность, высокая себестоимость, расточительство, низкое качество продукции. Вечный дефицит, убыток от такого хозяйничанья покрывается только снижением жизненного уровня.

Так массы платят за скверное хозяйничанье, за дороговизну управленческого аппарата.

Мы не замечаем: в бюрократическом обществе даже в детской речи канцеляризма. Крошку четырех лет спрашивают:

— Почему ты не в детском садике?
— Меня оформляют.

«Ненавижу Гамлета!» (статья А. Р-го). У нас никто так не скажет. «Ненавидим мы, ненавидит весь советский народ». Но «я!» «Это нескромно!» — скажут чиновники.— «Аполитично!». Можно говорить только от имени коллектива. Можно выражать только мнение масс.

Подчиненность — вот основная черта мышления ислама, католицизма, всяческого тоталитаризма.

Деспотизм преследует не за то, что вы что-то сделали, а за то, что делаете не то, что нужно ему. В этом суть, что люди терпят ни за что.

Что автору приходится вы-

ВПЕРВЫЕ

В декабре прошлого года мы отметили столетие со дня рождения писателя Николая Алексеевича Пичугина, многие годы прожившего в Караганде. Он посвятил нашему шахтерскому городу такие книги, как «Зори над городом», «Город в пути», пьесу «Шуркино дело». Николай Алексеевич много и охотно сотрудничал с нашей газетой.

На протяжении многих лет писатель вел дневники. И в те, теперь уже весьма далекие, и в последующие годы опубликовать их не представлялось возможным. Сегодня мы впервые публикуем записи писателя 40-летней давности. Глубокие и смелые размышления о нашем обществе, его проблемах оказались как нельзя более созвучными времени гласности и борьбы за демократию.

Народу много. Все пожилые. Женщины больше в платочках, мужчины — мелкие служащие. Зачем, почему они ходят, что привлекает? Необычность, торжественная красота обстановки, мерцанье огней, в темном золоте живопись. Пение — тоже необычное, на чужом языке, непонятно, но тоже торжественно. Влечение к красоте, к поэзии, совершенно неудовлетворяемое в нашей обстановке — прозаической, серой, подчиненной мелким заботам, навязчивым понуканьям. Здесь люди чувствуют себя людьми, членами братства, одной семьей, а не рабочими руками, которым время от времени предоставляется возможность «культурно отдохнуть».

Трогательные слова: «свете тихий... пришедше на... видевши свет вечерний, поем!».

Словом, настоящий «опиум». Женщин больше. Очевидно, потому что им тяжелее, их общественный кругозор уже, они эмоциональнее, больше влекутся к красоте, к поэзии. Ведь и в кружках самодеятельности, в хорах, в ансамблях их больше.

Мужчины удовлетворяются пулькой, футболом, водкой, —они, конечно, эстетически беднее в массе, грубее. Вот почему опора католицизма—женщины. Да и всякой, очевидно, религии.

Сильное впечатление оставляет какой-то новый, очень народный, видимо, украинский распев «Святый боже» и общий хор молящихся. Чеканится каждый тезис, поется всеми — этого раньше, то есть полвека назад, не было.

В этом мире человек — единственное существо, заслуживающее презрения и сострадания, ярости и жалости. «И за то, и за то я потреблю тебя!» — в порыве яростного сострадания возгл-

И тут Толстой был на волосок от богоотступничества. А может быть, и отступил. Недаром шопенгауэрианец Фет был другом Льва. Еще шаг — и мог бы стать биологом. И жаль, что этого не оказалось вне—внутри, верю!—был по-мужицки биологичен, как по-мужицки разрубал и путаницу социальных отношений.

Продолжим путь, вдоль которого шел самый мудрый, самый трезвый, последовательный и бесстрашный.

Никогда разум не откажется от критики, никогда не согласится ослепить себя.

Если же ослепят насильственно, соблазнив предварительно, как Далила Самсона, он однажды упрется руками в колонны храмины и разрушит ее.

За человека! Не хочу быть роботом!

Электронный мозг может заменить ученого, инженера, художника, архитектора, стихоплета, переводчика. Но он не может быть человеком! Не может создать Библию, «Божественную комедию», Сикстинскую мадонну и Пятую симфонию, не может любить и страдать, не может оплодотворить, зачать и родить живое существо. Не может восстать против своих богов, не может радоваться солнцу и свободе.

...Никогда я не отдам своей свободы, свое человеческое достоинство. Никогда не признаю власти Великого инквизитора! И до конца, до смерти, до гибели всего мира останусь с теми, кто своей кровью, страданиями и любовью оплатил мое право на свободу. И пока я жив—я буду свободен!

пушится своим листом, цветет своим цветом, и дает свой — и только свой! — плод.

Быть писателем — значит индивидуально выражать индивидуальные переживания.

Литературный институт. Литературная бурса. Еще один присосок. 700 студентов.

До сих пор писатель рос органически, силой стремления высказаться, пробивался, как трава сквозь асфальт, и тянулся к солнцу над серым булыжником мостовой, зовя к свету других, утверждая жизнь в борьбе со злом вне и в себе самом. Слабый не пробивался и погибал. Выживал только сильный.

Теперь массовое производство писарей «чего изволите». Их не душит камень, не бьет гроза. Как тепличные цветы, они слабы, не самостоятельны, и пчелы не

—от регламентированности поведения «героя нашего времени», Он — служащий, даже когда творческий работник. Он не может сходить с ума, быть преступником, заблуждаться трагически. Не смеет даже погибнуть, Короче —это трезвый человек, обыватель, но не герой трагедии.

Что такое соцреализм? Не метод! Только целевая установка! «Будь устроителем!». «Не будь судьей!». То есть дай содержание, какое нужно.

Всякий канонизированный метод — прием богомазов: «Крыло архангела Михаила писать так, прописывать этак!».

У всякого художника в определенном периоде творчества, в определенной работе свой метод. Он продиктован: 1) натурой художника, 2) его вкусами, 3) его культурой, 4) эпохой, 5) уровнем мастерства.

Статьи Ленина 1905 и 1917 гг. (о партийности литературы) верны для той обстановки, характеризующейся партизанским своеволием. Для нас они — прошлое, ибо их постулаты реализованы у нас в монопартийной системе полностью. КПСС монополизировала все средства воспроизведения мысли. Наша интеллигенция, молодая, по крайней мере, мыслит социалистически, партийно, народно. Но если бы даже нашелся человек, написавший статью, скажем, о ненужности колхозов (превратить крестьян в арендаторов государственной земли, обслуживаемых МТС, агрономами и т. п. за какую-то часть урожая и продуктов животноводства в целях сочетания преимуществ общественного и индивидуального труда), — то он просто не найдет возможности напечатать свой труд.

Таким образом, в наших условиях требовать партийности литературы незачем. Она достигнута.

Критерий партийности; полезно для строительства социализма или вредно.

Роман Дудинцева («Не хлебом единым») — пощечина бюрократу-бизнесмену, тормозящему технический прогресс. Можно попенять ему и редактору за односторонность, но признать полезным, как сигнал неблагоприятия. Союз писателей должен не шараться в панике, а приветствовать Дудинцева, его смелость.

Сейчас же бюрократическая мафия взята под защиту. Злу покровительствуют вместо того, чтобы его искоренять.

пьют нектар их чахлах цветов. Да и есть ли в них нектар?
* * *

Всякое произведение искусства должно быть не массажем для мозгов, не колыбельной песней для совести, а волдырем на душе, занозой в сердце. «Глаголом жги сердца людей!».

Произведение живет конфликтом. Порожденное жизнью, органичное, то есть вытекающее из обстановки и характеров несогласие между героями повествования, — душа творчества.

Снова литературу толкают на путь бесконфликтной аллилуйщины. Снова художники не смеют вступать в конфликт не только с системой, но даже с отдельными явлениями.

Литература—чтово, «стакан лимонада» — Дюма, К. Дойль, клубничка познавательная.

Литература — пробуждающая активное отношение к миру — Ж. Берн.

Литература большая, настоящая — вершины: Руссо, Толстой, Достоевский.

Книга — Библия, Илиада. Большая литература — орган самосознания общества, совесть народа, Судилище. Данте, Толстой — судьи.

Русская литература 19—начала 20 вв. — полифонична, это многоголосый хор. Нынче — унисон!

Тот, кто говорит, что советская литература бедна, — не прав. В ней много голосов. Кто утверждает, что она богата,—не прав. В ней нет разных тональностей. Она монотонна. Она тянет одно слово, одну мысль, одну мело-

Народ больше понимает в искусстве, чем критики и искусствоведы. Его понимание и вкус выразил Пушкин, говоря о героическом театре, и Лорка, и Ривера Диего. Это не натуралистическое понимание, не фотография, не «правденка» интеллигенции, изолгавшейся до того, что ее тянет на «правду», как похмельного на кислое. Это интеллигенция хочет, чтобы конь на сцене был живой и отмахивался хвостом от мух.

Народу нужно, народ любит искусство, преобразующее жизнь: благородных разбойников, доверчивых героев, обманываемых коверными Яго, прекрасных и благородных Фердинандов, любит петухов с иззубренными шеями, любит яркие тона и резкие сочетания цветов, джаз и мелодраму, и химеры Нотр-Дама; любит то, что не похоже на окружающую «реальность», что выше ее, к чему «реальность» должна стремиться.

А «Три сестры» и служебные конфликты вполне честных и не совсем честных служащих — ему неинтересны.

* * *

Кто я? Гуманист! И тем самым против всяческого фашизма, тоталитаризма, монополий, то есть против всего, что добивается превращения человека в раба, робота, в полипа, неустанно, неизвестно для чего и помимо своей воли создающего коралловые острова в океане бесконечности,

* * *

Думаю о XXI съезде, именно

1. Первый съезд, на котором думали (собственно, один Хрущев) о коммунизме, угадывали черты коммунизма не в центнерах, не в тоннах, а в кубометрах и киловаттах, в человеке.

Эти мысли в докладе Хрущева о воспитании нового человека, о школах-интернатах, о со---нии настоящей милиции, о товарищеских судах, о реформе школы.

2. Но 999 из 1000 делегатов - все еще чиновники, служащие, думающие не дальше плана, заглядывающие в будущее только статистически, они все еще не понимают, что миллиарды тонн и киловатт-часов, и даже космические ракеты, сами по себе только материя-дура, бьющая туда, куда ее направит человек.

Важно, какой человек и на что направит эту массу энергии и металла.

3. Материальная культура сама по себе инертна. Высокая материальная культура была в

слушивать глупости — с этим мириться можно. Беда в том, что глупости чиновника обязательны к исполнению.

* * *

Кажется, что только в работе творческой, своей! — да в любви (к детям, к женщине), может быть, еще в песне — жива человеческая душа.

* * *

Личность существует только как эпическое «я», противопоставляющее себя миру или отдающее ему себя.

Личностью делает человека его отношение к миру. Если это отношение созвучно миру — гармония, диссонирует с ним — Драма, трагедия. Развитие этой гармонии или диссонанса — история души. Нет души — нет истории, то есть развития. Есть перечень ощущений шкуры.

* * *

Что такое совесть? Ощущение разлада (конфликт) между содеянным и социальными навыками. Или: реакция социальных рефлексов на содеянное (проступок).

* * *

Нечто о себе:

Никогда и нигде, ни в какую эпоху я не чувствовал себя вполне дома!

«Взыскующий града» — как выражались когда-то. Точнее: «Ищущий дома».

* * *

Вчера и сегодня — церковь у Яузских и Кафедральная,

шали космические пророки еще тысячи лет назад.

* * *

В Библии сказано все основное о человеке, его характере — судьбе. Сказано верно — отбрасывая поэтическую фразеологию. Это очень пессимистическая книга. В ней говорится: человек был в раю. Ум соблазнил его, и он стал несчастлив — потерял рай, покой, счастье. Он раздвоился на железополонника Каина и кроткого Авеля, Есава и Иакова. Они вечно враждуют. Вечно Каин убивает Авеля из зависти, жадности и честолюбия. А потом все погибнет. «Все сущее опять покроют воды...л, (ТОЛСТОЙ думал так же, когда называл ум ржавчиной).

Толстой бился за человека с самим собой, то есть со своим представлением о боге, а сам умыл руки, написав на «Анне Карениной» — «Мне отмищение и аз воздам...». Не мы судьи. То есть, может быть, бог ее не осудит, а если и осудит, то по своей благодати простит, ибо тяжела борьба с «дьяволом» — полом. Под конец, уже старцем только с этим дьяволом и боролся он — все остальное: отечество, познание, культуру, даже пышное искусство он преодолел и отбросил. Остался лицом к лицу с изначальным, с самой природой, ее волей и перед ней отступил под покров, под защиту бога. И правы были мушкетеры-скопцы, приперев Льва к стене вопросом: «А ежели грех, так зачем он?» —

О ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ

Подлинное искусство, г. е. произведение подлинного искусства ни в коем случае не отражение действительности, но преобразование действительности и, следовательно, само по себе особая действительность, новый мир, созданный художником.

Картина — сама по себе вещь, новое явление, факт той области жизни, которая называется — искусство.

Искусство не отображает видимое, а делает видимым. В этом все искусство, вся философия его. Здесь краеугольный камень, здесь отличие отобразительства от подлинного проникновения в суть вещей. Не покров, а снятие покровов, не натурализм, а реализм эпохи теории относительности, ядерной механики, электроники, обнаруживающий под косым покровом связи и их взаимодействие.

Поэтический реализм — это формула подлинного искусства. Отражение — очерк, этюд, фото. Поэзия — преображение!

Самовыражение — принцип настоящего искусства, естественный, органичный, всеобщий.

Дерево поглощает те же соки земли, элементы воздуха, влагу дождей, озон гроз, свет и тепло солнца, как и другие деревья, но ветвится,

дио.

В ней нет диалектики, нет «ночных мыслей», едких, страшных, обвиняющих жизнь, нет:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю,
- И горько жалуюсь,
и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Симфония немислима без контрапункта. Живопись немислима без контрастирующих тонов, форм, ритмов. Роман и драма невозможны без конфликтов, без антагонистов, без света и тьмы, без крови и спермы.

Диалектику жизни открыли художники, музыканты, поэты, пророки, а не ученые. Рассудок, как охотник, шел за чутьем, за восприятием.

Не Гегель открыл диалектику, а Бах, Моцарт, Бетховен, Микеланджело.

Я переживал музыку. Помоему, всякое настоящее произведение искусства, корреспондирующее с настроением, только именно переживается. Понимание приходит потом.

Нашей литературе недостает третьего и четвертого измерения. Все в ней двумерно, плоско, не реально и не сюрреально, а только декоративно. Ообразительство.

Недостаток занимательности, остроты, острой увлекательности (Достоевский, например)

Народ неподкупен и непосредственен, как дети. Он хочет интересного, волнующего. Он хочет своего искусства. Он ходит в театр, чтобы видеть не «правденку», а правду искусства.

* * *

Об «абстрактном искусстве». Оно обращено не к сложившимся уже представлениям, оно — не напоминание и не воспоминание. Оно переживание живое, новое. Оно будит эмоции, направляет их к мысли.

Вот пример: нечто многоформенное, непонятное, сложное и путаное, как сон. Ночное небо со звездами и траекториями. Глубина тьмы. В темной бесформенной глубине — чертеж, фигура геометрическая. ? не знаю, что это, но я думаю: может быть, это природа и человек. Диссонанс. Вечный конфликт между стихией и разумом, эвклидовым, геометрическим началом.

Живая природа не знает прямых линий и углов. Ее линии — кривые, органичные, образовавшиеся под воздействием многих факторов. Звери, птицы не знают прямых путей, их пути мудро извилисты. Только камень, кристаллы да пути человека прямы, как нож. Только он мыслит геометрично. Только он — угловатый, острый строит угловатые дома, новые города — ряды кубов.

Какой «реалистический» пейзаж вызовет такие мысли?

Публикация Ф. ПИЧУГИНОЙ.